Рецензии

Артем В. Рондарев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6738-2814

Полевая работа как попытка гальванизации гуманитарных разделов академии

Puri S., Castillo D. A. (eds) (2016) *Theorizing Fieldwork in the Humanities: Methods, Reflections, and Approaches to the Global South*, New York: Palgrave Macmillan

doi: 10.22394/2074-0492-2021-3-298-304

Название данного сборника сразу требует некоторых пояснений. Во-первых, humanities. Исходя из сферы интересов и рода занятий авторов собранных здесь статей, а также из круга поднимаемых проблем очевидно, что в данном случае под этим словом понимаются не гуманитарные дисциплины в целом, а та их часть, что связана в первую очередь с языком и литературой, т. е. по большей части филология, литературоведение и литературная критика.

Рондарев Артем Владиславович — журналист, культуролог, переводчик, сотрудник Института исследований культуры НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология культуры, социология знания, социология музыки, история музыки. E-mail: arondarev@hse.ru

Artem V. Rondarev — journalist, culturologist and translator. Researcher at the Institute for Cultural Research of the Higher School of Economics University. Research interests: sociology of culture, sociology of knowledge, sociology of music, history of music. E-mail: arondarev@hse.ru

В вводной статье особо подчеркивается, что исследования литературы (literary scholarship) наряду с философией — наиболее далекие от полевой работы сферы, в то время как история искусств, музыковедение, исследования медиа и проч. уже обладают определенным опытом в данной области [p. 12]. Таким образом, задача сборника — проблематизировать и в какой-то степени институционализировать полевые исследования в качестве легитимной практики в области именно литературоведческих и филологических дисциплин; соответственно ниже мы будем употреблять слово humanities в указанном здесь значении.

Во-вторых, Global South. Как утверждается во введении, понятие «глобального Юга» используется здесь преимущественно для того, чтобы избежать выражения «третий мир» и связанных с ним диспозиций интеллектуальная элита/провинция, а также иерархического представления о взаимодействии элиты и субалтернов. Глобальный Юг интерпретируется здесь как территория солидарности и полемики, вызывающих к жизни более демократичное будущее, нежели то, которое предлагает «первый мир», взятый в заложники капитализмом, девелопментализмом и империализмом. Довольно, впрочем, скоро выясняется, что под глобальным Севером понимается преимущественно англоязычная территория, т. е. в сущности США и Британия [p. 6]. Таким образом, речь в данном сборнике по большей части идет о том, как филология и литературоведение пытаются обрести императив и легитимацию для занятий полевыми исследованиями в пространстве всего, что находится южнее двух метрополий, а именно Британии и США. Дело это, конечно же, почтенное, однако при всех предпринятых авторами книги попыток избавиться от колониальных коннотаций, колониальное все же заметно.

Оправданию необходимости для литературоведения и филологии обращаться к полевым исследованиям в сборнике посвящено немало места, и основная проблема книги, как представляется, в том, что пространные объяснения этой необходимости выглядят именно как оправдание или попытка отвоевать территорию. Основным объектом критики, своего рода Другим по отношению к литературоведению и филологии, разумеется, избирается антрополог, и полемике с этой довольно зловещей фигурой отводится бо́льшая часть здешней апологетики. Утверждается, со ссылкой на мнение этномузыковеда Кофи Агаву, необходимость отбросить претензии социальных дисциплин на научную объективность и «оставить этнографию, обратившись к художественной литературе»; далее следуют примеры из литературы, в которых фигура антрополога рассматривается с критических позиций, в том числе упоминается рассказ Борхеса «Этнограф» [p. 7].

Борхес, по-видимому, возникает здесь как «певец Юга», хотя Юг Борхеса — это территория примордиальных страстей, строгой традиционалистской иерархии и локус неизменности как социальной, так и аффективной, т. е. все то, что менее всего похоже на «солидарность и полемику», ведущие к более осознанной, нежели северная, демократии. Упоминается, что в 2010 году Американская антропологическая ассоциация изъяла из своих уставных документов слово «наука» [p. 8]. Тем самым предпринимается немало усилий для того, чтобы так или иначе девальвировать претензии социальных дисциплин на научность и таким образом как бы присвоить их предмет в качестве легитимного объекта исследования филологии и литературоведения, рутинно получающих обвинения в субъективности и волюнтаризме их аналитического аппарата. Эта субъективность, собственно, заявляется здесь как ценность и как тот уникальный вклад, который humanities могут внести в сферу полевых исследований.

Список вопросов, которые ставит полевая работа перед humanities, и соответственно редакторы сборника — перед его участниками, весьма пространен. Помимо общих (Почему вы обратились к полевым исследованиям? Как они изменили вашу научную работу?), предвосхищающих основание (Как полевая работа опрокинула ваши гипотезы? Какую форму междисциплинарности вы практикуете?) и продолжающих внутреннюю полемику с социальными дисциплинами (Какой вам видится связь ваших полевых исследований с практиками и вопросами социальных наук? Большинство дисциплин вырабатывает свои собственные определения того, что считается «точным»: были ли они релевантны вашей работе?), есть и те, которые можно считать эндемичными филологии и литературоведению. Например, вопрос о подобающей терминологии (в частности, понятия «предмет исследования», «информант», «интервьюируемый», «собеседник» и «сотрудник» кодируют властные отношения по-разному) [p. 10]. Их, впрочем, немного, и все они содержат элемент того, что Марк Эван Бондс называет «семантическим крохоборством», что ожидаемо в случае людей, которые привыкли иметь дело со словами, но мало помогает в ситуации, когда хочется понять, чем же все-таки humanities могут быть специфически полезны делу полевых исследований. Едва ли решение вопроса, как называть респондента — informant или interlocutor, — существенно расширит их горизонт.

Ответ на этот вопрос в данном сборнике приходится искать среди пространных апофатических описаний того, что humanities делать в поле не должны («не заниматься этнографическими гаданиями, текстуальным позитивизмом [что бы это ни значило], не предаваться иллюзии распределенного авторства» etc. [p. 7]), чего они сделать в поле и так не могут, а также перечней критериев того, что род-

нит литературную критику и литературоведение с антропологией. В первую очередь речь идет о некой «чувствительности» (sensibility), которая позволяет как антропологии, так и humanities отказаться от претензий на научную истину и поставить во главу угла фигуру рассказчика или респондента, т. е. каким-то образом насытить традиционный дискурсивный и контент-анализ некой «аутентичностью» [p. 8]. Но даже этот критерий, каким бы расплывчатым он не был, humanities делят с антропологией, а хочется все-таки понять их собственный предмет. Так что в итоге, расставшись с введением с ощущением некоторой неудовлетворенности, ощущаешь необходимость поискать ответы в кейсах, изложение которых и занимает здесь весь прочий объем.

Статья «Finding the Field: Notes on Caribbean Cultural Criticism, Area Studies, and the Forms of Engagement», написанная одним из редакторов-составителей сборника Шалини Пури, повествует о полевом опыте исследовательницы. Предметом ее интереса становятся структуры и стратегии описания жителями Гренады опыта революции 1983 года, когда после государственного переворота остров был оккупирован американскими войсками, при поддержке которых на выборах победила правоконсервативная коалиция, с тех пор удерживающая власть. Пури весьма подробно описывает подготовку к полевой работе, а также приводит список вопросов, которые она поставила перед собой, исходя из своего опыта литературного критика. Вопросы эти следующего порядка: «Почему действие в литературных произведениях Гренады так редко происходит после 1983 года? В чем заключается связь между политическим концом революции и провалом нарратива “нового начала”? Почему поражение Гренадской революции не породило на свет литературный жанр testimonio, процветающий в других латиноамериканских странах?» и т. д. [p. 35]. Это, вероятно, важные и интересные вопросы, но сложно понять, каким образом на них можно найти ответы в полевом опыте. Вряд ли простые жители Гренады могут что-то сообщить о провале нарратива «нового начала». Так не проще ли поискать эти ответы, оставаясь в кабинете? Допустим, у Пури есть какие-то методы, как эти ответы составить из «переживания ландшафта» страны и общения с ее жителями. Давайте посмотрим, что же она предлагает.

Здесь есть все, что угодно, кроме изложения метода. Автор тщательно фиксирует свои впечатления, делая из них довольно неожиданные выводы. Она поражается контрасту между «дискурсивным молчанием» о революции в публичной сфере и визуальными маркерами революции, под которыми понимаются обломки и развалины построек и техники, оставшиеся с тех пор в сельских районах страны [p. 31]. Она видит два брошенных 25 лет назад на взлетной площадке самолета и сообщает, что они, оставленные в качестве

«красноречивых обломков, более выразительных в своей материальности, нежели любой комментарий», являются «мощной провокацией» и заставляют ее размышлять, как «марксистская теория обживает окружающий ландшафт» [p. 33, 34]. Что все это значит, сказать сложно. Исходя из императива описания преимуществ сферы гуманитарного образования для полевой работы, который она сама же во введении и предложила, Пури называет те инструменты, которыми она обязана именно сфере humanities, и постулирует их пользу для полевых исследований. К ним можно отнести углубление дискурс-анализа текстов путем помещения в центр повествования фигуры рассказчика [p. 38]; «лишение привилегий» литературы через понимание ее связи с другими художественными и повседневными практиками [p. 40], а также возможность удержаться от искушений психоаналитического разбора высказываний респондентов с тем, чтобы не «срезать углы» в своем исследовании [p. 41].

Вполне возможно, что все эти вещи действительно полезные, но не очень понятно, как их использовать, равно как неясно, чем и как верифицировать сделанные Пури наблюдения. Строго говоря, в итоге делается очевидным лишь то, что поездки в Гренаду позволили Пури уловить какое-то количество в первую очередь визуальных метафор, которые затем каким-то образом навели ее на некоторые размышления и позволили сделать выводы, постороннему человеку кажущиеся несколько парадоксальными. В принципе это неплохо, хотя имеет мало отношения к собственно полевой работе. Это опыт туриста, притом хорошо начитанного туриста, который решительно не проверяем и не воспроизводим, а если и имеет инструментальную ценность, то только для того, кто его непосредственно усвоил.

Попробуем взять другой текст. В статье «Locating Palestine Within American Studies: Transitory Field Sites and Borrowed Methods» Дженнифер Келли описывает свой опыт изучения так называемого «туризма солидарности». Это форма туризма, в рамках которого участники при помощи гидов-палестинцев открывают для себя жизнь и страдания палестинской диаспоры на территории Израиля. Келли в полном согласии с ритуалами современной повестки леволиберальной интеллектуальной элиты (которой, к слову сказать, книга настолько переполнена, что может служить в каком-то смысле гидом по ней) описывает свою работу в весьма боевых тонах, употребляя выражения вроде «христианский сионизм» и «структурирующая сила американского милитаризма», а также сообщает, что, отправляясь на территорию Израиля, она всякий раз боится, как бы ее не посадили, если кому-то на таможне придет в голову просто погуглить тему ее научной работы [p. 100].

Таким образом, исследовательницу занимает не только академический труд, но и политический активизм. Чем ей на этой стезе мо-

гут помочь навыки, выработанные в рамках изучения humanities? Довольно быстро выясняется, что мало чем. Как и прочие авторы, детально описав весь процесс подготовки (чтение материалов в библиотеке и интернете, полевые журналы, интервью, фильмотека), Келли вскоре сообщает, что всему полезному научилась, посещая в качестве вольнослушателя курсы антропологии и этнографии [p. 99] (антрополог, этот Другой, которого следует сместить с пьедестала, как это заявлено во вводной статье, тем не менее регулярно встречается в текстах сборника как человек, который либо помогает гуманитариям со структурой полевой работы, либо объясняет ее результаты). Что же собственно до присущих именно гуманитарному знанию методов, то из текста можно узнать, что они, например, помогли автору не занимать никакой моральной позиции по отношению к «туризму солидарности» [p. 101] (не считать его ни плохим, ни хорошим, что, если честно, из самого текста совершенно не очевидно, если верить описаниям, то туризм этот — дело весьма благое) и вообще ограничиваться в своих суждениях стратегией «не-выбора» (non-choosing). Они также позволили ей сделать вывод, что стратегия «туризма солидарности» постоянно изменчива и быстротечна, и это дает ему возможность каким-то образом обнажать нечестную позицию, занятую в разного рода властных играх США [p. 104]. Вот, пожалуй, и все.

Структура статей, обрисованная на приведенных выше примерах, повторяется здесь почти в каждом тексте. Это в той или иной степени подробное описание, какие усилия предприняты для подготовки к выезду в поле (практически всегда это просмотр доступных материалов в библиотеке и интернете), упоминания полевых записных книжек, почти неизбежная ссылка на опыт антропологии как более релевантный (а потому, как правило, за этим следует благодарность знакомым антропологам, которые подсказали, что делать), далее некоторый набор путевых заметок, по большей части лишенный какой-либо эмпирической ценности, и какое-то количество апологетики, выражающейся чаще всего в наборе слоганов, назначение которых — придать описанному полевому опыту некую концептуальную законченность и исследовательскую ценность. Подавляющее большинство статей имеют очевидные признаки литературного эссе или же путевых заметок со всеми сильными и слабыми сторонами выбранного жанра.

Читать это увлекательно, но в общем и целом только как литературу. Почти тотальная дескриптивность текстов не позволяет из них уяснить ответ на заданный выше вопрос: в чем же все-таки состоит уникальность вклада humanities в полевой опыт и как выглядит эндемичный humanities предмет полевых исследований? В финал статей, где закономерно ожидаешь какие-то обобщающие суждения, может попасть все, что угодно. Так, текст «Engagement and Pedagogy:

Traveling with Students in Chiapas, Mexico» Дебры Кастильо заканчивается пространным описанием подъема в гору с целью приблизиться к Богу [p. 247]. Указанная статья, предполагающая описание педагогических подходов в работе со студентами, на деле оказывается простым отчетом о пребывании вместе с группой учащихся в мексиканском штате Чьяпас. Она содержит примечательное наблюдение за совершенно незаинтересованным поведением студентов: «Нам необходимо оживить humanities определенного рода содержательной вовлеченностью, связанной, в частности, с полевыми исследованиями, но предлагаемые для этого современные модели не слишком вдохновляют в силу своей интеллектуальной пустоты» [p. 239]. (Ранее автор также отмечает, что на ее курс, предполагающий полевые исследования, записалось в отличие от слушателей других направлений крайне мало студентов-гуманитариев [p. 238].)

Собственно, те или иные формы сетования на в достаточной степени консервативную, мало имеющую дело с междисциплинарностью сферу современного гуманитарного образования встречаются настолько часто, что за этим начинает проступать подлинная в отличие от заявленной тема сборника, а именно тема поисков выхода из тупика, в котором находятся гуманитарные дисциплины, привлекающие год от года все меньше студентов. Авторы видят выход в объединении гуманитарной сферы с тем, что сейчас в каком-то смысле модно и как минимум популярно: междисциплинарность, антропология и, наконец, те самые полевые исследования. Попытка нащупать формы ревизии гуманитарной сферы и составляет содержание данного сборника. А то, что они находятся, если судить по этой книге, с трудом и требуют пространных и крайне неочевидных декларативных легитимаций и есть не только ее проблематика, но и ее проблема.

Рекомендация для цитирования:

Рондарев А.В. (2021) Полевая работа как попытка гальванизации гуманитарных разделов академии. Рец. на книгу: Puri S., Castillo D. A. (eds) (2016) Theorizing Fieldwork in the Humanities: Methods, Reflections, and Approaches to the Global South, New York: Palgrave Macmillan. *Социология власти*, 33 (3): 298-304.

For citations:

Rondarev A.V. (2021) Fieldwork as an Attempt to Galvanise Humanities Sections of the Academy. Book Review: Puri S., Castillo D. A. (eds) (2016) Theorizing Fieldwork in the Humanities: Methods, Reflections, and Approaches to the Global South, New York: Palgrave Macmillan. *Sociology of Power*, 33 (3): 298-304.

Поступила в редакцию: 22.09.2021; принята в печать: 02.10.2021

Received: 22.09.2021; Accepted for publication: 02.10.2021